

0

Мертвые не возвращаются.

Помню, когда я была малышкой лет четырех или пяти, мама терпеливо объясняла мне эту истину, пока мы хоронили моего хомячка на заднем дворе. Я плакала от того, что не понимала, почему Ном-Ном так долго спит. Почему он не просыпается? Почему моя мама настояла на том, чтобы мы соорудили уютную постель из бумажных полотенец, лоскутов ткани и цветов, а потом похоронили его в обувной коробке неподалеку от клумбы с нарциссами? Как ему удастся оттуда что-то увидеть? Как он будет там *дышать*?

— Видишь ли, Саманта, — произнесла мама, — временами, если животные тяжело болеют или становятся очень старыми, они отправляются спать и уже никогда не просыпаются.

— Никогда? — удивилась я, хлюпая носом.

— Никогда.

Мама взяла меня за руку, и мы попрощались с Ном-Номом, а после принялись засыпать его землей. Я все еще не осознавала, *зачем* мы попрощались с ним. Не понимала, как вообще можно уснуть вечным сном. Даже когда по-настоящему уставала, я все равно рано или поздно просыпалась.

— Но что, если это не так? — спросила я. — Вдруг он действительно ненадолго уснул?

— Милая, он не вернется. Он умер. Мертвые не возвращаются.

Я сглотнула, и тут как будто что-то щелкнуло в моем детском сознании.

— Люди тоже умирают? — поинтересовалась я.

Мама помедлила. Помню, как она посмотрела на меня. Так, словно раздумывала, стоит ли говорить правду. В тот момент мне казалось, будто я балансирую на краю чего-то громадного и ужасного, и ее ответ либо вернет меня в безопасность, либо столкнет с этого обрыва.

— Да, люди тоже умирают, — в конце концов ответила она. — И так же, как и Ном-Ном, они не возвращаются.

Много лет я полагала, что мама выбрала рассказать мне правду.

Только теперь я понимаю, что это была ложь.

Потому что, когда я столкнула Рэйчел в озеро и та не вынырнула на поверхность, я знала, что она мертва. Она не должна была вернуться.

Однако на следующий день именно это она и сделала.

1

В среду все идет *не* по плану, и я знаю, кто заплатится за это.

К моменту, когда я добираюсь до школы, в ушах продолжает звенеть ссора родителей. Они ругались все утро. Не только из-за претензий друг к другу и того, что оба *слишком много работают*, — их излюбленная тема для споров за завтраком, — но и из-за проваленного мной теста по орфографии.

Какого-то идиотского теста по орфографии.

Теперь они отказываются брать меня на однодневную экскурсию в парк приключений «Роки Ривер» в эту субботу, как обещали. И все из-за того, что я допустила ошибку в нескольких словах типа «*одержимость*» и «*аллегория*». (Зачем кому-то знать, как они пишутся? Лично я всегда пользуюсь телефоном, который сам исправляет правописание. Как будто я вообще когда-нибудь использую хоть одно из этих слов.)

Поэтому никаких мне тематических парков. А мои так называемые друзья все равно поедут, потому что *их* родители, в отличие от моих, не такие придурки. И я не сомневаюсь, что в понедельник только и буду слышать, как потрясающе они провели время.

Меня же ожидает лишь выполнение домашней работы, пока родители снова будут ссориться внизу, а сестра играть в видеоигры со своими друзьями. Это вопиющая несправедливость, ведь в том, что я не успела подготовиться к тесту, в действительности нет моей вины. Я была слишком занята подготовкой эссе, которое за меня должна была написать Рэйчел. Она меня подвела. Снова.

Это ее вина.

Это она во всем виновата.

И я собираюсь сделать так, чтобы подобное произошло в последний раз.

Я хлопаю входной дверью и, громко топая, прохожу по школьному коридору. Наверняка моя злость видна невооруженным глазом, поскольку ученики расступаются передо мной, освобождая проход, и замолкают в надежде не стать очередной жертвой моего гнева. Проходя мимо, я пихаю несколько человек, выбиваю книги из рук ботаника, толкаю какого-то паренька в толпу его друзей. Вполне обычное мое появление на пороге школы.

Но, по правде говоря, я едва замечаю окружающих. Они не заслуживают моего времени, не говоря уже о моем гнев.

А вот Рэйчел заслуживает.

Я обнаруживаю ее возле шкафчика прежде, чем она видит меня. Она невысокая и миленькая, с длинными черными волосами, идеальной кожей и большими голубыми глазами. Я же высокая с такими же темными волосами, но моя кожа далека от совершенства, из-за чего кое-кто смеялся надо мной. До тех пор, пока я не дала отпор, доказав, что я не

тот человек, кого можно поднять на смех. Теперь единственный агрессор в этой школе я.

— Ты, — рычу я, подходя к ее шкафчику и захлопывая дверцу, чтобы подчеркнуть свое недовольство.

Тихо взвизгнув, Рэйчел отпрыгивает и обеими руками прижимает к груди блокнот для рисования. Ее глаза широко распахнуты, а губы дрожат, как у младенца. Ей известно, какова я в плохом настроении. И, очевидно, она догадывается, что сейчас я зла как никогда.

— Я...

— Заткнись, — обрываю ее. — Ты хоть представляешь, что наделала?

— Я... я... — она начинает заикаться.

— Из-за тебя и твоего маленького тупого мозга родители не возьмут меня в парк приключений на этой неделе. Ты должна была написать мне эссе, но не написала. Из-за этого я не смогла подготовиться к тесту по орфографии. В том, что я его завалила, виновата ты. И именно ты поплатишься за это.

Хочется закопать ее на месте, прямо здесь, возле шкафчика, но я беру себя в руки. Отчасти из-за того, что Рэйчел начнет плакать, а отчасти из-за того, что краем глаза я замечаю директора нашей школы, мистера Детмера. Он наблюдает за нами. А мне нежелательно в очередной раз оставаться после уроков. Последнее, что мне сейчас нужно, — это наказание.

— Мы еще вернемся к этому, — говорю я, понизив голос. Пытаюсь посмотреть ей в глаза, но Рэйчел устала себе под ноги. — Если мне приходится страдать, то и ты будешь. А теперь давай сюда.

Рэйчел кивает. Она не спрашивает, чего я от нее хочу или что имею в виду. Она прекрасно это знает.

Мы возвели это в ранг искусства. Почти симбиотические отношения — ситуация, при которой обе стороны получают преимущества от навыков друг друга. Кстати, я запомнила этот термин на одном из уроков естествознания.

В нашем случае это означало, что я не бью ее, а Рэйчел выполняет мою домашнюю работу и платит за мой обед.

Так было не всегда.

Раньше мы дружили. Были лучшими подругами.

Но это раньше.

Сейчас же я не могу представить себе нечто подобное. Полагаю, мы дружили, поскольку были младше. Слабее.

Теперь я больше не слабая; Рэйчел научила меня, что дружба — наивысшая слабость. Друзья могут причинить боль. Друзья могут сделать тебя несчастной, если знают о тебе абсолютно все. Благодаря ее предательству я стала сильнее. А потом использовала эту силу против нее, ведь Рэйчел заслужила все это, и даже немного больше.

Использовала ли я ее?

Разумеется.

Но это единственная польза от Рэйчел в нашей школе. В остальном она ничто. Я позаботилась об этом.

Рэйчел вновь открывает шкафчик — требуется еще секунда, чтобы она заново ввела код от замка, — и вытаскивает папку. Я пролистываю ее, чтобы проверить содержимое. Ну хотя бы на этот раз Рэйчел не разочаровывает меня. Она в курсе, что не стоит меня расстраивать. Домашняя работа по естествознанию, которую нам задали вчера, выполнена,

а вместе с ней и задание по математике. В переднем кармане папки пять долларов, которые Рэйчел дает мне каждый день на обед.

Я никогда не интересовалась, откуда у нее деньги. Возможно, дают родители. У них полно денег. У них даже есть бассейн на заднем дворе. Идеальная Рэйчел с ее идеальной жизнью. Ее идеально бесполезной жизнью.

Она могла отдать мне миллион долларов и все еще осталась бы мне должной.

Я захопываю папку и вновь бью ладонью по шкафчику рядом с Рэйчел.

Я едва не задеваю ее пальцы. Едва.

Необходимо подпитывать ее страх. На глазах Рэйчел выступают слезы.

Больше не говоря ни слова, я разворачиваюсь и прохожу по коридору к своему шкафчику. По пути отталкиваю с дороги девчонку, отчего та роняет сумку, и ее учебники и тетрадки рассыпаются по полу. Мистер Детмер окликает меня, но я скрываюсь за углом, зная, что он не последует за мной.

Директор тоже слегка меня побаивается.

Разумное решение.

Им всем стоит.

2

Мне удастся пережить оставшиеся уроки, не работав наказаня, несмотря на то, что часть меня готова буквально взорваться. Не помогает и то, что за обедом те немногие подруги из моего окружения постоянно болтают о поездке, в которую им не терпится отправиться на выходных. Ни Фелицию, ни Сару не интересует, почему я молчу. Когда я, наконец, выпаливаю, что не поеду и не могли бы они просто не говорить на эту тему, подруги особо и не скрывают облегчения от того, что меня там не будет. Разумеется, это не улучшает мое настроение, ну да ладно.

Они не нужны мне.

Мне вообще никто не нужен.

Дружба равно слабость.

Эта мысль заставляет меня бросить взгляд на Рэйчел, которая сидит в одиночестве на самом дальнем углу стола, как обычно уткнувшись в блокнот. Много лет назад *мы* бы без сомнений отправились в парк приключений вместе. Однако это было раньше. До тех пор, пока она не разрушила все, предав меня.

Маленькая частичка меня задается вопросом, о чем она пишет в своем дневнике. Мне интересно, пишет ли Рэйчел обо *мне*, хотя вряд ли она сделала бы это снова.

Она на собственном горьком опыте испытала, что происходит, если писать гадости за моей спиной.

Я выбрасываю ее из головы. Пропавшая она пропадом, мне все равно.

Впрочем, мне хотелось бы, чтобы она пропала.

На уроке естествознания нам устраивают внеплановую контрольную. Я почти не сомневаюсь, что провалила ее, будучи слишком зла на Сару и Фелицию, чтобы сосредоточиться. К концу обеда они даже не спросили, *почему* я не поеду в парк. Как будто им все равно!

Без разницы. Мне тоже на них наплевать. Мне остался лишь год в этой скучной средней школе, и затем я смогу завести новых друзей. Друзей получше.

Хотя нет, в конечном счете друзья уходят или причиняют боль. Мне нужно достичь состояния, при котором я ни в ком не буду нуждаться.

Единственный человек, которого я буду держать поблизости, — Рэйчел. Так я смогу и дальше отравлять ей жизнь, а она будет выполнять домашнюю работу за меня.

Однако, когда по окончании последнего урока я выхожу с намерением отдать домашнее задание Рэйчел, ее нет возле шкафчика.

И это злит меня больше всего на свете.

Она знает, что должна дожидаться меня.

Рэйчел знает свое *место*.

Я ударяю кулаком по ее шкафчику и в бешенстве срываюсь с места.

Правда, домой я не иду.

В последнее время мне все меньше и меньше хочется проводить там время. Родители вечно за-

няты, хоть папа трудится в офисе, а мама работает из дома. Если они *находятся* дома одновременно, то в основном кричат о том, что вечно слишком заняты, чтобы провести время вместе. Что бы это ни значило. Иногда родители срывают на мне свой гнев друг на друга. Да, в школе я способна запугать любого, возможно даже учителей. Во всяком случае, в прошлом году мне удалось добиться увольнения буфетчицы. Я спрятала кнопки в своей лезанье и рассказала, будто подслушала, как буфетчица бормотала о том, что ненавидит меня до глубины души. Только вот дома совершенно иная история. Полная противоположность.

Они ругают меня за каждую плохую оценку.

Сажают под домашний арест за каждое оставление после уроков.

Лишают меня десерта, просмотра телевизора, а также телефона. Однажды даже попытались отправить меня к специалисту по управлению гневом, пока я не объявила голодовку, и родителям пришлось сдаться.

Честно признаться, я бы, наверное, не возражала против этого, поскольку, как бы то ни было, ничего страшного они не делают. Однако после каждой моей выходки родители заявляют, что им за меня стыдно. А еще они сравнивают меня с сестрой.

Моей идеальной, тупой младшей сестрой с ее идеальными оценками и идеальным поведением. Она словно постоянное напоминание о том, что я недостаточно хороша.

Прямо как Рэйчел.

Моя сестра Джессика слишком послушна, чтобы поступать как-то не так. А это означает, что ей всегда

верят и доверяют. Если я нарушу хоть одно правило дома или попытаюсь что-то скрыть о проделках в школе, она выяснит и расскажет об этом родителям. А мама *всегда* на грани истерики. Джессика знает об этом. По сути, она единственный человек во всем мире, над которым я не могу издеваться. Стоит мне косо посмотреть на нее, сестра тут же принимается показательно рыдать перед родителями, и меня сажают под домашний арест или того хуже. Нет никаких сомнений в том, что она попытается втянуть меня в неприятности, если я вернусь домой и займусь чем-то, кроме домашней работы. Только вот учить уроки — последнее, чем мне хочется заниматься.

Сейчас я испытываю непреодолимое желание накричать на кого-нибудь, ударить или убежать, потому что *это несправедливо*.

Моя жизнь несправедлива, и все, что я могу с этим сделать, — изо всех сил постараться избежать возвращения домой. Поэтому я отправляюсь бродить по округе.

Роузборо — маленький и скучный городок, и я его ненавижу. Когда проношусь по тротуару мимо жилых домов, которые вижу буквально каждый день на протяжении всей своей жизни, в душе нарастает гнев. Не только на Рэйчел, родителей или из-за отмены поездки в тематический парк, а просто из-за того, что мне *скучно*. Здесь нечего делать. Пожалуй, единственное развлечение — это парк приключений «Роки Ривер», но даже он расположен в получасе езды отсюда и подходит скорее для маленьких детей. Это несправедливо. Мне придется проскучать все выходные, точно так же, как и в любой другой день.

Почему мы не живем в каком-нибудь крутом месте типа Сиэтла, Нью-Йорка или Лос-Анджелеса? В городе, где *происходят* события и есть чем заняться, кроме как сходить в закусочную за молочным коктейлем после школы или остаться дома, чтобы смотреть бесчисленные телешоу и фильмы. Где-то, где живут *крутые* люди, которые занимаются *крутыми* делами. Вот *где* мое место. Среди кинозвезд и популярных ребят, которые знают, что единственный способ достигнуть вершины — пробиться туда.

Да, я бы идеально вписалась в такое место.

Погруженная в свои мысли, неосознанно ухожу от дома на довольно приличное расстояние. Я уже миновала главные улицы, дома в пригороде и теперь направляюсь в сторону леса и полей, раскинувшихся вокруг города, словно гарантия того, что ничего классного или урбанистического никогда не проникнет сюда. Подобному пришлось бы пробиваться сюда через огромное количество кукурузы.

На долю секунды задумываюсь о том, чтобы повернуть обратно. До заката еще далеко, и стоит солнечная погода, но я все равно знаю, что лучше не оставаться в лесу одной. Я не боюсь монстров, или чего еще обычно боятся дети, просто иногда там бродят жуткие люди. По крайней мере, так однажды сказала мама, когда я в одиночестве играла в парке после наступления темноты. Словно бы в доказательство ее слов на той же неделе в новостях сообщили о пропаже маленького ребенка, предположительно утонувшего в озере Ламонт.

Убийцу так и не поймали.

Не то чтобы я хоть немного напугана. Где-то в глубине души я даже *хочу* наткнуться на жуткого незна-

комца. По крайней мере, будет, на ком выместить свой гнев. Вряд ли полиция окажется против, если я изобью преступника. Скорее, вручит мне медаль.

И тогда все бы увидели, какая я.

Тропинка через лес петляет и путается, пока не доходит до развилки. Одна дорога ведет обратно в город, другая — к озеру Ламонт.

Я слышала множество историй об этом озере, но, несмотря на то, что бывала там множество раз, порой задавалась вопросом, а правдивы ли эти истории.

Утонувшие дети, пропавшие тела, странные звуки или огни по ночам.

Наверняка это всего лишь сплетни, рассказанные подростками, чтобы напугать детишек помладше и оставить озеро в своем распоряжении.

И все же голос внутри меня шепчет, чтобы я не ходила туда. Кстати, этот голос очень похож на мамин.

Ну что ж, если *она* не хочет, чтобы я туда ходила, тогда я обязательно *пойду*.

Я направляюсь к озеру.

Меня ждет сюрприз: когда в поле зрения появляется озеро, я понимаю, что не одна здесь.

3

Не могу сказать, улыбается мне удача или, наоборот, покидает меня.

На дальнем конце пирса, выстроенного до середины большого озера, сидит Рэйчел и что-то рисует в своем идиотском блокноте.

При виде ее по моим венам разливается кислота. Я прищуриваюсь.

В голову приходит мысль, что во всех моих невзгодах виновата она.

В родительских ссорах.

В моих плохих оценках.

В моем дурном настроении.

В том, что я застряла в этом крохотном городке, где не к кому обратиться и никто не может помочь мне справиться с унынием. Стоит только увидеть Рэйчел, весь гнев и ярость, которые копились во мне в течение дня, выплескиваются на поверхность.

— Какого черта ты здесь делаешь? — выкрикиваю я.

Мой голос эхом разносится над озером, заставляя вспорхнуть стайку птиц. Вздвогнув, Рэйчел роняет ручку в воду. А обнаружив меня, хватает блокнот и плотно прижимает его к груди. Она не сводит